

Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края)¹

К.С. ГРИГОРЬЕВА *

***Ксения Сергеевна Григорьева** – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: ksenia_grig@mail.ru

Цитирование: Григорьева К.С. (2017) Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. Т. 26. № 1. С. 81–102

Цель настоящей статьи состоит в анализе различных стратегий использования этничности и выявления факторов, обуславливающих выбор той или иной стратегии этническими общинами Краснодарского края. В статье рассматриваются процессы превращения этнической принадлежности в социальный барьер и ресурс, дискурсы, способствующие получению преимуществ представителями одних этнических общин перед другими, практики этнопротекционизма и этнолоббирования, а также отказ от данных практик в пользу слияния с этническим большинством, влияние политического контекста на выбор тех или иных стратегий представителями этнических общин.

Для осмысления механизмов превращения этнической принадлежности в социальный ресурс послужила предложенная Пьером Бурдьё теория капиталов. Используются понятия социального, экономического, политического, символического капитала и конвертации капиталов.

Эмпирической базой являются результаты исследования «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)». Материалы исследования в Краснодарском крае включали 9 фокус-групп с представителями армянской, адыгской, украинской, греческой, татарской, чеченской, дагестанской, таджикской и узбекской общин, а также 12 экспертных интервью. В качестве экспертов выступали авторитетные представители этнических общин: общественные, религиозные деятели и предприниматели соответствующих национальностей.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)» (грант № 15-18-00093).

Ключевые слова: этничность, этнические меньшинства, дискурсы, социальное неравенство, социальный капитал

Вопросы влияния этничности на процессы социальной стратификации начали изучаться достаточно давно. Анализ некоторых аспектов данной проблемы можно обнаружить в работах классиков социологической мысли М. Вебера и К. Маркса. Однако всплеск интереса к этничности как фактору социальной стратификации был зафиксирован в 70-е гг. XX в., когда западными исследователями было введено понятие «новой этничности», обозначающее специфическое поведение этнических групп, направленное на получение социальных, экономических и политических преимуществ. Некоторые ученые даже озвучивали мнение, согласно которому этничность начинает играть в процессе социальной дифференциации более важную роль, чем классовая принадлежность. Так, Н. Глэзер и Д.П. Монихэн полагали, что отношения собственности отходят на второй план, тогда как «этничность предстает как более фундаментальный источник стратификации» [Glazer, Moynihan 1975, p. 17], а Ф. Паркин утверждал, что этнические группы являются «более эффективными, чем социальные классы в мобилизации своих ресурсов» [Parkin 1979, p. 33].

Эмпирические исследования (как зарубежные, так и отечественные) подтверждают взаимосвязь этнической принадлежности и социального положения индивидов. На российском материале эта взаимосвязь продемонстрирована в работах С.А. Арутюнова [Арутюнов 1990], Л.М. Дробижевой [Дробижева 2002], М.В. Саввы [Савва 1997] и др.

Если в 1990-е гг. в отечественной социологии наиболее активно анализировались процессы этнической мобилизации для достижения политических целей (прежде всего в национальных республиках), то в последнее время особую популярность получает направление исследования этнического предпринимательства. Это связано с изменением российского политического контекста – угасанием национальных движений в регионах страны и интенсификацией миграционных процессов.

Феномен этнического предпринимательства впервые был рассмотрен в работах В. Зомбарта, полагавшего, что некоторые народы имеют предрасположенность к занятию предпринимательской деятельностью. М. Вебер также обращался к теме этнического предпринимательства, выдвигая предположение, что меньшинства, сталкиваясь с дискриминацией, вынуждены использовать этнические ресурсы «своей» общины и заниматься определенными видами деятельности, в первую очередь предпринимательством. Впоследствии эти идеи получили развитие в работах представителей Чикагской социологической школы. Современные западные исследования продолжают указанную традицию, рассматривая этническое предпринимательство и обращение к ресурсам «своих» этнических общин как механизм адаптации меньшинств к жизни в инокультурной среде и преодоления социальной эксклюзии, ксенофобии и насилия.

В России проблемы этнического предпринимательства анализируются в работах О.Е. Бредниковой, И.М. Кузнецова, В.И. Мукомеля, В.В. Радаева, С.В. Рязанцева и др. Исследователи указывают на связь этнического предпринимательства с маргинальностью социального положения представителей этнических меньшинств [Радаев 1993], отмечая, что первоначальная слабость позиций заставляет их создавать социальные сети и наращивать социальные связи, что приносит социальные и экономические дивиденды [Кузнецов, Мукомель 2007].

Таким образом, в определенных обстоятельствах этническая принадлежность, с одной стороны, может выступать в качестве социального барьера, а с

другой, служить социальным ресурсом. Причем нередко эти процессы сложно отделить друг от друга: попытки ограничения социальной мобильности, предпринимаемые в отношении представителей некоторых этнических групп, вынуждают их объединять усилия для преодоления преград, что в конечном итоге приводит к росту коллективного капитала.

Для осмысления механизмов превращения этнической принадлежности в социальный ресурс в настоящей статье взаимодействия между членами этнических общин рассматриваются в категориях обмена, прибыли, затрат и накопления капитала (социального, экономического, символического). Это не означает, что социальные акторы воспринимают свои действия как сугубо прагматические, направленные исключительно на получение выгод, или что эти действия являются таковыми без ведома акторов. Тем не менее, вслед за П. Бурдьё, мы полагаем, что экономическая логика² структурирует большинство социальных взаимодействий.

Этническая принадлежность как социальный барьер

Принадлежность к этническому меньшинству может являться серьезной проблемой, влекущей за собой множество издержек и ограничений. В Краснодарском крае, по свидетельству респондентов, с этим явлением сталкиваются члены разных этнических групп, но чаще всего те, чей облик и культурные особенности далеки от облика и культурных особенностей русского большинства – представители кавказских народностей и выходцы из Средней Азии.

Полученные в ходе исследования данные позволяют выделить два уровня, на которых представители указанных этнических меньшинств могут столкнуться с дискриминационными практиками: (1) институциональный уровень, (2) уровень повседневного (бытового) взаимодействия.

На институциональном уровне, как отмечали участники фокус-групп, имеются определенные негласные ограничения по приему представителей этнических меньшинств на работу в органы власти и иные государственные структуры.

«В исполнительную власть не пускают» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«Вообще пробиться в органы государственной и муниципальной власти невозможно практически для нерусских народов» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

«Товарищ мой претендовал на хорошую должность начальника следствия, но не подошел из-за национальности» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Принадлежность к этническому меньшинству, по словам респондентов, повышает риск привлечь внимание правоохранительных органов и стать жертвой неправомерных действий сотрудников силовых структур (вымогательства или физического насилия).

«Каждый день сюда полиция приезжает [к центру оформления миграционных документов]. Они стоят, и как только человек выходит из здания, сразу: “Давайте документы”. Если с документами все в порядке: “Давайте содержимое карманов”» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

² В смысле желания выиграть и веры в ценность «разыгрываемого», а не стремления к получению экономической прибыли.

«Проезжали ППС, остановились, начали проверять документы, забрали себе. Это незаконно, забирать документы у человека. Подошел мой друг. Начал с ними выяснять отношения: “Почему вы забрали документы, вы не имеете права”. Его избили, засунули в машину, удалили с телефона видео, где он снимал это все. Тупо забрали его в полицейский участок и еще раз избили там перед входом» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Кроме того, на институциональном уровне в отношении отдельных этнических групп время от времени устраиваются показательные репрессивные акции, санкционированные местными и/или федеральными властями.

«Случай с [российскими] летчиками, которые были задержаны в Таджикистане. [Тогда] десятки тысяч таджиков поймали и выгнали обратно, депортировали из России. У человека есть все [документы], а его взяли и выгнали. Там даже паспорт брали, рвали и говорили: “У тебя нет паспорта”» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

«В 2008 году с грузинами было так же, когда их начали [из России] выгонять» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

В бытовых ситуациях социального взаимодействия представители этнических меньшинств также сталкиваются с ограничениями. В частности, по свидетельству участников фокус-групп, проблемой может стать аренда жилья.

«Элементарно квартиру снять. Не сдают, всегда пишут: “Сдам в аренду русской семье”» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

Неудачей может обернуться попытка посещения ночного клуба.

«Пример – вход на дискотеку. Мы все были в таком возрасте, когда хотелось пойти на дискотеку. Я входил, мне говорили: “Извините, лицо кавказской национальности, Вы не заходите в клуб”. Охранник знает, сколько процентов нерусских должно быть на дискотеке» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Даже обращение в автомастерскую способно вызвать затруднения.

«Та же автомастерская: “Что ты сюда приехал машину делать? Езжай к себе домой!”» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Таким образом, этническая принадлежность может становиться социальным барьером в самых разных обстоятельствах – от устройства на работу до проведения досуга.

Этническая принадлежность как социальный ресурс

Помимо издержек, этническая принадлежность (в том числе и принадлежность к этническому меньшинству) может приносить ощутимую пользу, которая возникает прежде всего в результате налаживания связей и осуществления взаимовыгодных обменов с другими членами «своей» этнической группы.

В основе выстраивания подобных взаимодействий лежит доверие к представителям «своей» этнической общины, базирующееся на таких культурных маркерах, как язык, родство, соседские и дружеские связи, общность религиозных и ценностных представлений, а также сходство биографической ситуации, приезд из одной страны/региона. Доверие подразумевает ожидание предсказуемого и чест-

ного поведения со стороны других членов этнической общины, позволяет снизить риски, связанные с пребыванием в инокультурной среде.

Связи с представителями «своей» этнической группы могут использоваться для решения многих вопросов, в частности, при трудоустройстве.

«У нас есть национальное: если человек работает, то его поддерживают. Хотя бы своих родных, близких принимают на работу, устраивают и так далее. Даже если они бизнес здесь ставят, они будут принимать на работу своих, обеспечивать» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«В основном приезжают целенаправленно, а не так, чтобы набум приехал и потом стал искать работу. Всегда кто-то вызывает: или родственник, или сосед» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Помощь родственников и знакомых позволяет существенно оптимизировать процесс трудоустройства: сокращает время поиска подходящей работы и минимизирует риски попасть к недобросовестному работодателю. Если работодатель все же не выполняет свои обязательства, в особенности при отсутствии официально оформленных трудовых отношений, существует возможность обратиться за защитой к авторитетным представителям этнической общины или национальным общественным объединениям, которые в подобных случаях нередко берут на себя функции профсоюза.

«Есть такие люди, которые по три года [зарплату] не получают. Вот куда им идти? Они везде ходят, а обратиться в суд он не может, потому что у него нет бумажки [трудового договора]. Я выхожу на руководителя того предприятия, приглашаю. Если он не хочет сюда идти, я не стесняюсь, сам иду к нему. Выслушиваю этих ребят, выслушиваю его и ставлю задачу такую: “Ребята, если не хотите, чтобы были проблемы, надо рассчитаться”» (представитель дагестанской общественной организации).

«Есть люди, они, например, нормально-нормально-нормально, а в конце – хоп: например, 10 тысяч не отдают или 5 тысяч не отдают. Потом придется ехать и говорить. Им надо до ума доводить, что человек работал, а ему не заплатили» (бизнесмен таджикского происхождения).

В сложной жизненной ситуации (в случае болезни, травмы, смерти близких) члены этнической общины также могут рассчитывать на поддержку.

«Допустим, не дай Бог, что случится, кто-то в беде или умер, собираются сто-двести человек и вносят свой вклад» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

«Вот где-то услышали: человек умер. И человек уже туда бежит, спрашивает: “Чем помочь?”» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

Причем необходимые средства, как правило, собираются весьма оперативно и имеют внушительные размеры.

«Вот недавно в Геленджике была ситуация: парень упал с 3-го этажа. 257 тысяч собрали, он уже в палате лежит» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Таким образом, этническая принадлежность при определенных обстоятельствах может выступать в качестве социального капитала.

Понятие «социальный капитал» здесь и далее употребляется, в соответствии с определением П. Бурдьё, как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов,

связанных с обладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [Бурдые 2002, с. 66]. Коллективный капитал, которым обладает группа, дает возможность ее членам получать разнообразные кредиты. Причем эти отношения существуют только в практическом состоянии, в виде материальных и символических обменов. Объем социального капитала зависит от величины социальной сети и возможности ее эффективной мобилизации, а также от размеров экономического и символического капитала, которым располагает каждый участник сети.

Обменные операции и инвестиции в «свою» этническую группу

Превращение этнической принадлежности в социальный капитал не происходит само по себе, но требует серьезных инвестиций, которые могут носить материальный и нематериальный характер (затраты времени, оказание различного рода услуг, проявление внимания, заботы, участие в общих мероприятиях, встречах и т.д.). Инвестиции осуществляются и рядовыми представителями этнических общин, и более статусными персонами (бизнесменами, политиками, общественными деятелями), проходят как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Как правило, все затраты предполагают последующую компенсацию или прибыль. Так, помощь (материальная и нематериальная), которую получают члены этнической общины во время радостных или печальных событий (свадеб, болезней, похорон), не является безвозмездной: это разновидность кредита, который в свое время необходимо погасить. Если же человек не выполняет своих обязательств, он рано или поздно лишается тех выгод, которые приносит принадлежность к этнической общине.

«Ну, у нас это в основном связано со светлыми и с черными днями (ну, вы поняли: светлые дни – это когда свадьба; черные – это когда кто-то умер). И если ты не приходишь, то завтра к тебе тоже перестанут ходить» (представитель узбекской общественной организации).

Иными словами, условием получения дивидендов от этнической принадлежности является трудоемкая работа по поддержанию социальных связей, а также обязательное участие в материальных и нематериальных обменах с другими членами этнической группы.

Обменные операции осуществляются не только на индивидуальном уровне, но и на уровне организаций. Национальные общественные объединения нередко налаживают взаимовыгодные контакты с владельцами мелкого и среднего бизнеса, принадлежащими к соответствующей национальности. В обмен на финансирование бизнесмены получают полезные связи и поддержку влиятельных общественных организаций.

«Мелкий и средний [бизнес] ближе к народу, мы знаем их проблемы, они знают наши проблемы. Мы можем помочь друг другу. Я советом помогаю, “большим советом”» (представитель армянской общественной организации).

Крупный бизнес, как правило, в меньшей степени заинтересован в выстраивании подобных отношений, поскольку ресурсы, которыми обладают общественные объединения, для него недостаточно привлекательны.

«У нас [есть] Алишер [Усманов], не хочет с нами общаться. Хотя он как раз с Ферганской долины, наш земляк. Но когда мы обратились к нему за помощью, он как бы забыл, что мы существуем» (представитель узбекской общественной организации).

Обменные операции осуществляются не только с членами «своей» этнической группы, но и с внешними по отношению к ней социальными акторами. С представителями силовых структур взаимовыгодные связи стремятся наладить и рядовые представители этнических общин, и руководители национальных общественных объединений. Первые используют такие связи для решения проблем, возникающих с правоохранительными органами.

«Если есть знакомые в полиции, они “крышуют” его. Если его остановили, поймали, он звонит своей “крыше”. [За помощь он] платит или что-то делает» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Руководители национальных общественных организаций, как правило, стараются обменять свои услуги на улучшение отношения силовых структур к этнической группе в целом и/или трудоустройство ее представителей в правоохранительные органы.

«Мы говорим: если человек не понимает, есть закон, мы по закону решаем. То есть если надо 15 суток, дайте ему 15 суток. Украл, еще что-то – сажайте. И если в чем можем, мы вам поможем. Найти помогаем. [...] Со своей стороны мы полностью выкладываемся. Мы хотим такого же адекватного к нам отношения [...]. Приезжали из Грозного, когда хотели устроиться сюда, их не брали. Мы тогда обращались, говорили: “Не могли бы вы его взять в структуру?”» (представитель чеченской общественной организации).

Аналогичным образом руководители национальных общественных объединений выстраивают отношения с органами власти: предоставление тех или иных услуг сопровождается просьбами о трудоустройстве членов этнической общины на те места, где существуют негласные ограничения в отношении этнических меньшинств.

«Когда нам говорят: “В этом вопросе помогите нам”. Я сразу говорю: “Я вам помогу, вы возьмите нас, пять молодых ребят, к себе. В полицию и администрацию”. Есть среди них хорошие, они там найдут себе применение. Какая мне выгода? Для меня нет разницы как человеку, а как руководителю – важно. Если он там будет сидеть, я на него надавлю, на его тонкие места, и он будет иначе относиться к этому вопросу» (представитель армянской общественной организации).

Помимо работы над получением и поддержанием полезных социальных связей, продвижением членов этнических общин в силовые структуры и органы власти, ведется работа над «имиджем» этнических групп. Как правило, она связана с позитивной самопрезентацией на культурно-массовых мероприятиях.

«Наша община здесь, они постоянно принимают участие в значимых мероприятиях, которые проводит администрация города и края» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Кроме того, представители этнических общин ведут работу со средствами массовой информации: отслеживают материалы на тему межнациональных отношений и публикации, в которых упоминаются этнические группы; в случае некорректных высказываний корреспондентов составляют жалобы и обращения.

«Каждый раз вмешиваешься. Начинаешь чуть ли не говорить: “Мы вас закроем”. Я даже писал один раз, когда писали о наших земляках немного в негативном [ключе], в Роснадзор» (представитель дагестанской общественной организации).

Особой разновидностью работы над созданием положительного имиджа этнической группы являются благотворительные акции в адрес людей, находящихся в сложной жизненной ситуации (детей-сирот, ветеранов, инвалидов, жертв стихийных

бедствий и др.). Ярким примером здесь может служить участие этнических общин в сборе благотворительной помощи для пострадавших от наводнения в Крымске.

«Наводнение было в Крымске, в Новомихайловке. Средства брали и ехали туда. Информацию послали по общинам: “Оказываем помощь, кто чем может. Деньгами, одеждой, обувью, продуктами”» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«Когда в Крымске наводнение было, тогда дагестанцы собрали деньги и туда отправили» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

«В Крымске когда случилось, счета нам давали и мы благотворительную помощь оказали, и многие таджики помогли» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Подводя итог, можно заключить, что формальная принадлежность к той или иной этнической группе не является достаточным основанием для получения дивидендов. Кредит доверия предоставляется не безвозмездно, а предполагает последующую компенсацию. Полезные свойства этнической принадлежности представляют собой результат интенсивной работы и постоянных взаимовыгодных обменов.

Необходимо отметить, что полезный потенциал этничности не исчерпывается возможностью использования социальной сети: иногда этническая принадлежность может служить ресурсом для повышения социального статуса ее обладателей, т.е. выступать в виде символического капитала³, который впоследствии конвертируется в политический и/или экономический капитал. Подобное использование этнической принадлежности требует целенаправленной работы с внешними по отношению к этнической общине социальными акторами (органами власти, средствами массовой информации, научно-исследовательскими учреждениями и т.д.) и сопряжено с разработкой дискурсов, позволяющих легитимировать притязания этнической группы.

В настоящей статье понятие «дискурс» трактуется (в соответствии с определением М. Фуко) как «практика, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» [Фуко 1996, с. 49–50]. Мы также разделяем идеи Т. Ван Дейка о связи дискурсов и символического контроля, роли дискурсов в (транс)формировании идеологий, конструирующих социальную реальность, основанную на групповых интересах. Идеология в данном случае понимается как комплексная когнитивная система, состоящая «из социально релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотнесены и применены таким образом, чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы» [Ван Дейк 2013, с. 54].

Таким образом, генерация специфических дискурсов этническими группами рассматривается нами как целенаправленная работа по защите интересов данных групп и превращению этнической принадлежности в символический капитал.

Дискурсы, способствующие превращению этнической принадлежности в символический капитал

Публичные этнополитические дискурсы служат средством убеждения внешней аудитории в правомерности претензий этнической общины на особое положение

³ Под символическим капиталом (в соответствии с теорией П. Бурдьё) здесь понимается одна из форм капитала, которая определяется легитимным признанием, общественным авторитетом [Бурдьё 2002].

ние. При этом, как правило, используются исторические, экономические, политические и моральные аргументы, которые в той или иной степени соотносятся с общим социокультурным знанием, разделяемым аудиторией. В ходе исследования мы обнаружили два подобных дискурса, которые используют представители этнических групп, проживающие на территории Краснодарского края: дискурс об автохтонности и дискурс о численности.

Дискурс об автохтонности

Первый – дискурс об автохтонности – апеллирует к распространенному представлению об особом положении, которое должны занимать автохтонные (коренные) народы. Это представление нашло свое отражение в ряде российских и международных документов, в том числе в Декларации о правах коренных народов Генеральной Ассамблеи ООН.

В Краснодарском крае дискурс об автохтонности воспроизводится представителями разных этнических групп: греками, украинцами, армянами, в отдельных случаях татарами (позиционирующими себя в качестве потомков булгар), однако наиболее активно он используется адыгами.

«Здесь Черкесия была с Черного моря практически до Ростовской области, здесь коренными являются черкесы, в том числе адыги» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Укорененность рассматривается членами адыгской общины как важный ресурс, за который ведется идеологическая борьба с представителями других этнических групп, претендующими на автохтонность, прежде всего с греками.

«Возьмем официального историка Царской России Карамзина, его карты. Все карты там сводят территории Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии. Там указано, что это территория Черкесии, это до начала Кавказской войны, до 1800–1830 года. Жили и другие народы, были купеческие поселки на территории современного Сочи. Но сегодня я удивляюсь, что находят какие-то кувшины греческие, и нам говорят, что там жили греки. Они там жили, но они жили с позволения местных народов, потому что адыги исторически не любили торговать. Они умели выращивать хлеб, воевать, но не торговали. У греков есть Греция» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Для официального признания своей автохтонности представители адыгской общины прилагают целенаправленные усилия. Одним из примеров может служить обращение по данному вопросу в Российскую академию наук.

«Делали запрос в РАН. РАН ответила, что адыги являются коренным народом Северного Кавказа» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

С признанием автохтонности на официальном уровне члены этнической общины связывают целый ряд вполне прагматических ожиданий, в том числе получение экономических и социальных преференций, предусмотренных Федеральным законом №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

«Необходимо признать адыгов коренным народом. Из этого все истекает. У нас есть закон о коренных малочисленных народах, чтобы можно было воспользоваться этими программами» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Кроме того, представители адыгской общины хотели бы иметь квоту во властных структурах.

«Стоило бы какую-то неофициальную квоту ввести или официальную. Адыги заслужили это, чтобы решать свои проблемы» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Таким образом, официально признанная автохтонность является ресурсом, который может быть конвертирован в социальные, экономические и политические блага для всех представителей этнической общины.

Дискурс о численности

Второй дискурс опирается на представление, согласно которому политические возможности той или иной группы напрямую зависят от ее многочисленности (чем больше группа – тем больше у нее возможностей).

Дискурс о численности в Краснодарском крае воспроизводится представителями двух этнических общин: армянами и украинцами, однако наиболее активно он эксплуатируется армянами, которые являются второй по численности группой после русских. Численность воспринимается членами армянской общины как значимый ресурс, самым непосредственным образом связанный с вопросами финансирования и политического представительства.

«Чем больше национальность, тем больше должно выделяться из бюджета» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«Сегодня мы пропорционально гораздо больше должны иметь [представителей во власти]. Почему нас там нет столько?» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

При этом, по убеждению представителей армянской общины, в данных российских переписей доля армян намеренно занижается, что, с одной стороны, служит косвенным подтверждением легитимности их притязаний, а, с другой, свидетельствует о попытке властей замолчать реальную численность армян, чтобы избежать предоставления им законных преференций.

«Данные, которые дает наша перепись, всегда искажены. У нас была перепись в 1992 году, и оказалось, что 360 тысяч было раньше, а потом через несколько лет стало 286 тысяч. Я поражаюсь, куда делись те армяне, когда каждый год мы по 15–20 тысяч регистрировали здесь. Понятное дело, власти не хотели показать, хотели держать на определенном уровне» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Таким образом, численность рассматривается членами армянской общины как ресурс, который может быть конвертирован в политические и экономические блага.

Дискурсы и этническая мобилизация

Помимо убеждения внешней аудитории в необходимости признания особого статуса этнической общины, публичные этнополитические дискурсы могут служить средством мобилизации членов той или иной этнической группы для совершения коллективных действий. Ярким примером может служить демарш адыгской общи-

ны во время Сочинской Олимпиады, который начался с требования о презентации адыгов как коренного населения во время открытия Игр, но, натолкнувшись на сопротивление Олимпийского комитета, перерос в массовое протестное движение черкесов в России и за рубежом. Вот как описывает эти события представитель одной из адыгских общественных организаций:

«Вообще, позиция черкесских организаций России состояла в том, что в этой культурной программе должен присутствовать элемент черкесской культуры, и мир должен знать, что здесь есть коренное население. Должны быть соответствующие экспозиции, элементы в культурной программе. Сначала было обращение “давайте мы представим культурную программу”. Когда ответили “нет”, произошла радикализация, которая перекинулась за рубеж [...] [Начались] колоссальные акции протеста в разных странах. Германия, США, настолько их все это возбудило. Они поехали в Лондон, нашли Русский дом, устроили там истерику, они бегали за российскими спортсменами. В Канаде какую истерику они устроили, они пошли к Русскому дому, обвесили плакатами [...] И в результате, когда градус дошел до определенного предела, особенно после Ванкувера и Лондона, в Кремле что-то переключилось, и они сказали: “Нет, нет, нет. В Олимпийской деревне у всех стран, которые принимают участие в Олимпиаде, будут свои дома, где они будут представлять свою культуру, и обязательно должен быть адыгский дом”. И он был поставлен в самом центре, и туда собрали все этнографические ансамбли. И мир увидел это все. Есть статистика, что до 1500 человек в сутки посещало адыгский дом. Там было большое количество журналистов. И еще большое количество скандалов там возникло, по всему миру к этому было приковано внимание глобальных информационных агентств, и пресса была гигантская» (представитель адыгской общественной организации).

Как видно из приведенного фрагмента, достижение желаемого результата (презентация адыгов во время Олимпийских игр в качестве коренного населения) потребовало от членов этнической общины массовой мобилизации и значительных коллективных усилий. Стоит обратить внимание, что мобилизация происходила во многом стихийно: члены российских черкесских организаций, начиная работу по продвижению идеи о необходимости презентации адыгов на открытии Олимпиады, не ожидали столь широкого международного резонанса. Однако, когда он возник, они сумели извлечь из него максимальную пользу. В итоге затраченные усилия окупились многократно: требования адыгской общины стали широко известны и были признаны легитимными не только в России, но и за ее пределами.

Инвестиции для преодоления социальных барьеров и инвестиции для получения преференций

Все инвестиции в этническую группу можно условно разделить на две категории – инвестиции для получения преференций и инвестиции для преодоления барьеров. В первом случае конечной целью инвестиции является приобретение этнической группой особого привилегированного статуса, который позволяет представителям данной национальности получать разнообразные социальные, экономические и политические преференции. Это всегда связано с разработкой идеологического

обоснования необходимости предоставления такого статуса той или иной этнической группе, которое адресовано не только ее членам, но и внешним социальным акторам – органам власти, средствам массовой информации, научно-исследовательским организациям, общественным объединениям.

Во втором случае использование этничности в качестве ресурса связано со стремлением снизить ущерб от преград, с которыми сталкиваются представители этнических меньшинств. Так, ограничение при приеме на работу в государственные структуры ведет к возникновению сложной системы практик, позволяющих его преодолеть. Эта система включает в себя налаживание контактов с представителями органов власти, оказание им различных услуг в обмен на содействие в трудоустройстве, мобилизацию экономических ресурсов этнической общины для «покупки» рабочего места в государственных структурах и т.д.

Повышенное внимание к представителям этнических меньшинств со стороны правоохранительных органов влечет за собой возникновение другого комплекса практик, направленного на преодоление данной проблемы: установление взаимовыгодных связей с сотрудниками полиции, оплата их лояльности и покровительства, продвижение представителей этнической общины в силовые структуры и проч.

Негативные стереотипы и отторжение на бытовом уровне вынуждают этнические группы вести кропотливую работу над имиджем, участвовать в благотворительных акциях, культурно-массовых мероприятиях.

Инструментальное слияние с этническим большинством

Принадлежность к этническому меньшинству чревата различными издержками, и хотя она способна приносить разнообразные выгоды, для их получения необходимы значительные усилия, вследствие чего этничность используется как ресурс далеко не всегда и не всеми социальными акторами.

Отказ от использования «своей» этнической принадлежности характерен, в частности, для украинцев, проживающих в Краснодарском крае. В отличие от представителей кавказских народов и выходцев из Средней Азии, украинцы фактически не используют ресурс этнической сети.

«Ну, все знают, что у армян на свадьбах по 800 человек, которые первый раз друг друга видят, но, тем не менее, у них все брат-сват-помощник-друг и т.д. Они друг другу помогают, и это достойно восхищения. Украинцы же, ну... прошел мимо украинец, ну, молодец, что прошел. Нет такой сплоченности как, например, у кавказских народов» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Интересно, что члены украинской общины также воспроизводят дискурсы об автохтонности и численности, утверждая, что украинцы являются коренным народом Краснодарского края и их реальная численность значительно превосходит данные переписи.

«С конца XVIII века, а именно тогда начала складываться этническая география, [коренными являются] русские, украинцы. Это в первую очередь. Причем северо-западную часть Краснодарского края заселяли долгое время исключительно украинцы» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

«Называют себя украинцами 80 000 [человек] на 2010 год. Но сколько у нас на Кубани фамилий украинских? Половина» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Однако в настоящее время, в отличие от армян и адыгов, украинцы ни численность, ни автохтонность не рассматривают как значимый ресурс для получения политических, социальных или экономических преференций.

«Представитель адыгов говорил: “Мы представляем коренной народ, мы можем здесь на что-то рассчитывать”. Но на самом деле на любой аргумент можно найти контраргумент, нужно просто отследить во времена средних веков, как племена переселялись через горы, как заселялись эти места. Но это мы уже уйдем в схоластику, потому что не так это важно: 11 поколений здесь прожило или 7» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Отказываясь от использования своей этнической принадлежности в качестве социального ресурса, значительная часть членов этнической группы предпочитает использовать другую стратегию: инструментальное слияние с русским этническим большинством. Следует подчеркнуть, что речь в этом случае не идет об этнической ассимиляции. Как отмечали респонденты, украинцы, прибегающие к данной стратегии, сохраняют прежнюю этническую идентичность, а слияние с этническим большинством носит утилитарный характер, позволяя преодолеть барьеры, связанные с принадлежностью к этническому меньшинству.

«Культура – это одно, а карьера – это другое. Если он сидит, слушает украинские песни и смахивает слезу – это одно, а на работе это совсем другое» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Представители украинской общины называют эту стратегию «уходом в русские». Причем к ней прибегают как родившиеся и выросшие в Краснодарском крае украинцы, так и недавно прибывшие в Россию на заработки.

«Получается интересная вещь: если мы эмиграционную публику, армян, которые сюда приезжают, видим, то, что касается украинцев, мы как бы их и не видим. Вроде приехали, а куда они делись? Происходит “уход в русские”» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Стратегия инструментального слияния с этническим большинством приносит вполне ощутимые выгоды и старожилам, и вновь прибывшим. Старожилы могут спокойно делать карьеру (в т.ч. устраиваться на работу в органы власти и силовые структуры, занимать руководящие должности в государственных учреждениях), не опасаясь того, что принадлежность к национальному меньшинству станет для них преградой.

«Вот очень простой пример: идем на прием к женщине, которая возглавляла департамент культуры, она украинского происхождения. Начинаю говорить по-украински. Она: “Нет-нет-нет, я – русская”. Если бы она сказала, что она – украинка, она бы не заняла должность» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Одновременно трудовые мигранты, прибывающие из Украины, в совершенстве владеющие русским языком и визуально неотличимые от русских, при условии отказа от использования украинского языка и акцентирования этнической принадлежности значительно реже сталкиваются с проверками со стороны российских силовых структур, чем представители кавказских народов и выходцы из Средней Азии.

«Здесь много из Центральной и Западной Украины. Люди не кричат и не бьют себя в грудь, что они с Украины. Все прекрасно владеют русским языком, поэтому они не заметны [...] Лицо кавказской национальности или таджик обратят на себя большее внимание, чем

славянин. [А] если [украинец] по-украински начнет говорить, могут потребовать документ. И вот здесь может быть вымогательство денег» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Таким образом, стратегия инструментального слияния с этническим большинством позволяет преодолеть значительную часть барьеров, являющихся следствием принадлежности к этническому меньшинству. Кроме того, данная стратегия доступна на индивидуальном уровне, дает быстрый результат и гораздо менее трудозатратна, чем кропотливая работа по превращению той или иной этнической принадлежности в социальный или символический капитал.

Использование стратегии слияния с этническим большинством славянскими и неславянскими этническими меньшинствами

По свидетельству участников фокус-групп, наиболее массово к стратегии инструментального слияния с русским этническим большинством прибегают украинцы и белорусы, хотя отдельные примеры использования этой стратегии встречаются и среди представителей неславянских народов, в т.ч. среди армян.

«Галицкий – один из крупнейших бизнесменов. Много делает для Кубани. В былые времена было не очень безопасно говорить, что он армянин: ему бы не дали развиваться дальше. Поэтому ему пришлось стать Галицким, а его отец, мать, сестра – с другой фамилией» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Очевидно, что представителям неславянских народов гораздо сложнее использовать подобную стратегию, прежде всего по причине визуального отличия от этнического большинства.

«Ну, Иван Иванович из него никак не получится из-за его внешности: как был он Адамом, так им и останется» (участник фокус-группы, представитель чеченской общины).

Внешние отличия в значительной степени девальвируют выгоды от использования стратегии слияния с этническим большинством: к примеру, таджику (даже при условии смены фамилии и самопозиционирования в качестве русского) не удастся смешаться с толпой и избежать повышенного внимания со стороны российских правоохранительных органов.

Немаловажную роль при выборе стратегии «ухода в русские» играет и величина культурной дистанции между этническими меньшинствами и большинством: так, украинец (даже недавно приехавший в Россию и не имеющий российского гражданства) будет чувствовать себя в Краснодарском крае как дома.

«Украинское население, которое прибывает сюда на работу, чувствует себя комфортно. Если мы посмотрим на украинцев, которые живут в Канаде, то увидим их сплоченность, потому что там другая среда и там они будут держаться друг за друга. А здесь зачем? [Здесь] я дома» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Это ощущение облегчает процесс вхождения в группу этнического большинства, поскольку устраняет необходимость дополнительных усилий для адаптации к чуждым культурным нормам. В то же время самоощущение чеченца, являющегося российским гражданином и более двадцати лет живущего в Краснодарском крае, существенно другое.

«В Краснодарском крае нет мечети ни одной. И где-то подсознательно это откладывается, что нет, не позволяют и не позволят,

что нас здесь не уважают, не любят» (участник фокус-группы, представитель чеченской общины).

В данном случае культурная дистанция с высокой долей вероятности послужит дополнительным препятствием к выбору стратегии слияния с этническим большинством.

Влияние политического контекста на выбор стратегий использования этничности представителями этнических меньшинств

Национальная политика, проводимая властями Краснодарского края, весьма неоднозначна. В краевом Уставе закреплено, что регион «является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края» [Устав Краснодарского края, П. 1. Ст. 2. Раздел I 2016]. Иначе говоря, в основном законе Краснодарского края подчеркивается укорененность и преобладающая численность русских, тогда как остальные этнические группы, проживающие на территории края, не упоминаются. Это позволяет предположить, что с точки зрения местных властей русские являются не просто этническим большинством, но группой, имеющей право на определенные привилегии и особое внимание со стороны органов государственной власти. По крайней мере, именно так воспринимается позиция краевых властей представителями этнических меньшинств.

«Русский народ или казаки – это нация, которая претендует на господствующее положение. Явно проявляется отношение нынешних государственных образований Кубани к этим нациям. Понимаете, поздравляют только казаки, на параде присутствуют только казаки. Губернатор принимает в казачьей форме. Я включаю телевизор, и на дни Кубани показывают только казаков. А сто с чем-то народностей – их нет, они не существуют» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Кроме того, особое отношение, хотя и незафиксированное в официальных документах, региональные власти демонстрируют к адыгам, за которыми вплоть до недавнего времени было негласно закреплено место вице-губернатора края⁴.

«Адыги представлены двумя замами губернатора. Количество работающих во властных структурах, в административных звеньях адыгов за последние 10–15 лет, что Ткачев был здесь, реально поднялось в разы» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Официальные заявления первых лиц Краснодарского края позволяют предположить, что это особое отношение связано с признанием властями автохтонности адыгов и готовностью к диалогу по вопросам предоставления им социальных, политических и экономических преференций. Показательным здесь является заявление бывшего губернатора А.Н. Ткачева: «Я всегда понимал, что адыгский народ – это коренной народ. Это те люди, которые жили здесь сотни лет» [Ефимова 2012]. Данное заявление сопровождалось обещаниями ввести адыгейский язык в школьную программу одного из населенных пунктов и рассмотреть вопрос о возможности признания адыгов-шапсугов коренным малочисленным народом Краснодарского края.

Вместе с тем, в отношении других неславянских этнических меньшинств, проживающих на территории края, региональные власти неоднократно допускали

⁴ Эта традиция была нарушена с приходом нового губернатора Краснодарского края В.И. Кондратьева.

подчеркнуто пренебрежительные высказывания. В качестве примера приведем еще два заявления недавнего руководителя региона А.Н.Ткачева, сделанные в 2002 и 2012 гг. Во время выступления на краевом совещании в Абинске 18 марта 2002 г. А.Н. Ткачев заявил: «Определять, законный мигрант или незаконный, можно по фамилии, точнее, по ее окончанию. Фамилии, оканчивающиеся на “ян”, “дзе”, “швили”, “оглы”, незаконные, так же как и их носители» [Незаконная фамилия 2002]. На расширенной заседании коллегии ГУ МВД по Краснодарскому краю 2 августа 2012 г. А.Н. Ткачев сообщил о создании казачьей полиции, одной из целей которой должно являться недопущение переселения в регион выходцев с Северного Кавказа: «Я скажу следующее наблюдение. Есть Ставропольский край – наши соседи, наши братья, и мы видим, насколько там потеряно чувство общности, солидарности, в т.ч. культурное наследие. И эти земли очень легко завуалируют другие народы. Прежде всего кавказских национальностей. По причине того, что они – близко, они интегрируются в Ставрополье. И сегодня мы видим, что количество переселенцев (это и бизнес, и экономика, и родственные связи) переходит в качество. И, по большому счету, уже русская часть населения там чувствует себя некомфортно [...]. Таким образом, я уверен, у нас нет другого пути – мы будем выдвигать, наводить порядок» [Речь губернатора Кубани 2012].

Со сменой руководства региона националистическая риторика пошла на спад, однако в сознании населения края закрепилась определенная рамка восприятия диспозиций разных этнических групп, где доминирующее положение занимают русские, привилегированное – адыги, а другие неславянские этнические меньшинства выступают в роли вечных гостей, которым никогда не стать «своими» в регионе.

«Весь Кавказ считается гостем. Все равно это мнение заложено» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

«Местный народ не считает их [узбеков] местными. Это честно» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Что касается отношения властей к славянским этническим меньшинствам, то оно практически не артикулируется. По мнению представителей украинской общины Краснодарского края, власти намеренно игнорируют славянские меньшинства, не желая акцентировать культурные различия, существующие между ними и русским этническим большинством.

«Зачем их [славянские народы] поддерживать, если есть один великий и могучий русский язык, а там все эти особенности, лучше их и не вытаскивать на свет божий [...]. Власти здесь заточены на то, чтобы фактически не развивать культурные традиции, лучше пускай уйдут в русские, растворятся в этой среде. Это политика не оказывать поддержки, вот такой вектор» (участница фокус-группы, представительница украинской общины Краснодарского края).

Конфликт на Украине привел к укреплению данной позиции.

«В сложившихся условиях, на фоне последних событий в Украине, ситуация усугубилась» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

В настоящее время любые попытки представителей украинской общины акцентировать этническую принадлежность, по свидетельству респондентов, не только не поддерживаются, но и достаточно жестко пресекаются. Неудовольствие властей могут вызывать даже украинские мотивы в художественной вышивке.

«Меня это покорило, когда наш известный мастер, который занимается вышивкой, здесь, на Кубани, выставляет свои работы, а местные власти (я имею ввиду станичные власти) и деятели куль-

туры сделали ей замечание: “В вашей вышивке слишком много украинского”» (участница фокус-группы, представительница украинской общины Краснодарского края).

Как проявление национализма расцениваются обращения представителей украинских общественных объединений с просьбами о выделении земли под строительство украинского центра или оказания финансовой поддержки для издания сборника статей, посвященных украинской культуре.

«Попытка получить землю под строительство культурного центра украинцев тоже не увенчалась успехом, при любой попытке затронуть эту проблему на нормальном уровне сразу нас начинают обвинять в национализме» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

«Сейчас я, например, не могу издать сборник из своего кармана, я не имею таких средств, а рассчитывать на то, что мне помогут власти или еще что-то, я не могу, только могу получить негатив: “Что Вы носите со своими украинцами?”» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Такая позиция краевых властей не только ограничивает возможности представителей украинских общественных организаций получить бюджетное финансирование, но и препятствует налаживанию полезных контактов с бизнесменами и политиками украинского происхождения, которые опасаются возникновения неприятностей в том случае, если об этих контактах станет известно.

«Сейчас люди реально боятся встречать в украинскую тематику, боятся, что могут возникнуть проблемы с властью» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Политика, проводимая краевыми властями, очевидным образом влияет на стратегии представителей этнических меньшинств, проживающих на территории Краснодарского края. Так, признание властями автохтонности адыгов (хотя и не закрепленное в официальных документах) и готовность к обсуждению социальных, экономических и политических преимуществ, которые могут быть им предоставлены, провоцируют представителей данной этнической группы мобилизовать усилия для получения большего числа преференций.

Политика, осуществляемая в отношении украинцев, напротив, способствует тому, чтобы представители данной этнической группы выбирали стратегию слияния с русским этническим большинством, поскольку она наименее затратна и в сложившихся политических обстоятельствах приносит максимальную выгоду.

Для неславянских народов выбор стратегии слияния с этническим большинством затрудняется тем, что власти видят в них гостей, не способных стать «местными», а дискриминационные практики в отношении указанных групп, латентно поддерживаемые краевой администрацией, стимулируют их к мобилизации усилий для преодоления возводимых барьеров.

Факторы, обуславливающие стратегии использования этничности

Итак, представители разных этнических групп, проживающие в Краснодарском крае, прибегают к разным стратегиям использования этничности. Проведенный анализ позволяет выделить ряд факторов, влияющих на выбор тех или иных стратегий. Первым и крайне значимым обстоятельством является наличие или отсутствие социальной эксклюзии по принципу национальной принадлежности.

При этом существование барьеров и ограничений в отношении той или иной этнической группы становится стимулом к поиску способов их преодоления.

Имеется по крайней мере два способа борьбы с практиками социального исключения: (1) инструментальный отказ от «своей» национальной принадлежности и присоединение к другой этнической группе, в отношении которой ограничения отсутствуют, и (2) мобилизация ресурсов «своей» этнической общины для преодоления существующих барьеров. Первый способ менее затратен при условии отсутствия существенных внешних и культурных отличий от представителей принимающей этнической группы. В этом случае переход легко осуществим и незаметен для внешних наблюдателей. Однако если такие отличия существуют, то выгоды, получаемые от данной стратегии, в значительной степени девальвируются. Второй способ гораздо более трудоемок и требует мобилизации усилий значительного числа представителей этнической группы. Тем не менее приносимая им польза компенсирует затраты и вынуждает членов этнических общин (для которых первый способ недостаточно эффективен) обращаться к нему как к единственной доступной стратегии преодоления барьеров.

Наличие или отсутствие возможностей для приобретения преференций по национальному признаку также имеет большое значение. Существование возможностей для получения различного рода привилегий, готовность органов власти к торгу по вопросам их предоставления способствуют мобилизации членов этнических групп на борьбу за преференции, подталкивают представителей различных национальностей к рассмотрению этнической принадлежности в качестве важного социального ресурса. С другой стороны, жесткая позиция властей, направленная на недопущение использования этнической принадлежности для получения привилегий, ориентирует этнические общины на поиск других стратегий.

Запрос на равенство

Следует отметить, что среди представителей различных этнических меньшинств, проживающих на территории Краснодарского края (кроме адыгской общины), существует запрос на институционально установленное равенство среди представителей всех национальностей. При этом, по мнению участников фокус-групп, предоставление привилегий отдельным этническим группам создает почву для межэтнических конфликтов.

«Межнациональные конфликты создаются путем, так сказать, приоритетного отношения к одним нациям по сравнению к другим» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Члены этнических общин апеллируют к необходимости использования гражданской принадлежности в качестве объединяющего начала для людей разных национальностей.

«Должна быть какая-то единая национальная идея, которая бы нас сблизила и сделала гражданами единого государства» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

«Нет системы, чтобы каждая нация, проживающая в Краснодарском крае, ощущала себя россиянами. Система, которая должна воспитывать всех людей, принадлежащих к разным национальностям, как идентичных, отсутствует» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Можно предположить, что отказ от дифференцированного подхода к представителям разных национальностей и институционализация равных правил игры для всех этнических групп, с одной стороны, приведут к смягчению барьеров в отношении этнических меньшинств и устроят необходимость мобилизации коллективных ресурсов с целью их преодоления, а с другой, элиминируют стимулы к использованию этничности в качестве ресурса для получения преференций.

Выводы

Превращение этничности в социальный ресурс зачастую является обратной стороной преград, воздвигаемых перед той или иной этнической общиной, и служит способом их преодоления. При этом использование этничности в качестве социального ресурса требует значительных инвестиций, которые могут носить как материальный, так и нематериальный характер. Инвестиции осуществляются и рядовыми представителями этнических общин, и статусными персонами как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Поскольку принадлежность к этническому меньшинству влечет за собой не только преимущества, но и ограничения, а получение выгод сопряжено с необходимостью постоянной интенсивной работы, «свою» этническую принадлежность используют в качестве ресурса не все и не всегда. Альтернативной стратегией является инструментальное слияние с этническим большинством, чему способствует отсутствие значительных внешних и культурных отличий от представителей этнического большинства.

Достижение этнической группой привилегированного статуса, как правило, связано с производством специфических дискурсов, позволяющих ее представителям сформулировать и обосновать свои притязания.

Использование этнической принадлежности для получения преференций становится возможным в случае дифференцированного подхода к разным этническим группам, закрепления ситуации, при которой одни группы занимают привилегированные позиции, а другие оказываются в положении аутсайдеров.

Литература

- Арутюнов С.А. (1989) Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука.
- Бредникова О.Е., Паченков О.В. (2002) Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Бурдьё П. (1993) *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
- Бурдьё П. (2002) *Формы капитала* // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Ван Дейк Т.А. (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Декларация Организации объединенных наций о правах коренных народов (2007) // Организация Объединенных Наций // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность*. М.: Academia.
- Ефимова А. (2012) Адыгов-шапсугов признают коренным народом Кубани // [Kubantv.ru](http://kubantv.ru) // <http://kubantv.ru/kuban/adygov-shapsugov-priznajut-korennym-narodom-kubani/>
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2007) *Формирование этнических ниш в российской экономике: история вопроса* // *Неприкосновенный запас*. № 1. С. 175–184.

- Незаконная фамилия (2002) // Новая газета // <http://www.novayagazeta.ru/society/16250.html>
- Радаев В.В. (1993) Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. № 5. С. 79–87.
- Речь губернатора Кубани о казачьей полиции, мигрантах и судьбах Родины (полный текст и аудио) (2012) // ЮГА. Портал Южного региона // <http://www.yuga.ru/articles/society/6390.html>
- Рязанцев С.В. (2000) Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. № 5. С. 73–86.
- Савва М.В. (1997) Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Издательство КубГУ.
- Устав Краснодарского края (2016) // Сайт Конституции Российской Федерации // http://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod/
- Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) // Сайт Конституции Российской Федерации // <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>
- Фуко М. (1996) Археология знания. Киев: Ника-Центр.
- Glazer N., Moynihan D.P. (1975) Introduction // Ethnicity. Theory and Experience (eds. Glazer N., Moynihan D.P.), Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–26.
- Parkin F. (1979) Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique, London: Tavistock Publications.

Ethnicity as a Social Resource and a Constraint: the Case of Ethnic Communities in Krasnodar Region

K. GRIGOR'EVA*

***Kseniya Grigor'eva** – Candidate of Science in Sociology, Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhnovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: ksenia.grig@mail.ru

Citation: Grigor'eva K. (2017) Ethnicity as a Social Resource and a Constraint: the Case of Ethnic Communities in Krasnodar Region. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 81–102 (in Russian)

Abstract

Depending on the social context ethnicity can be viewed both as a constraint, and a resource to gain social, economic and political benefits. This article analyses various strategies to exploit ethnic identity and reveals the factors which determine the choice of particular strategies by ethnic communities by drawing on the case of the Krasnodar region. In particular, the focus is on the discourse used by the representatives of different ethnic communities to gain advantages over others, the practices of ethnic protectionism and ethnic lobbying, the abandonment of these practices altogether in favour of assimilation with the ethnic majority, and the influence of the political context on the choice of certain practices. To understand the mechanisms that transform ethnic identity into a specific type of social resource we rely on Bourdieu's theory of capital (and particularly the notions of social, economic, political and symbolic capitals and their conversion).

The article is based on the results of the study “Forecasting modelling of interethnic relations in Russian regions (on the basis of the identification strategies used by ethnic communities residing beyond territories of respective nations)”.

The empirical study uses data from 9 focus groups with the representatives of Armenian, Adyg (Circassian), Ukrainian, Greek, Tatar, Chechen, Dagestan, Tajik and Uzbek communities as well as 12 interviews with experts.

The study reveals that the transformation of ethnicity into a resource is often the mirror of the obstacles a particular ethnic community face and serves as a way to surmount these obstacles. Using ethnicity as a resource requires substantial investments that may be material or intangible. Investments are made by rank-and-file representatives of ethnic communities and by high status persons, both at the individual and the group levels. Not everybody always uses his/her ethnicity as a resource. Integration with the ethnic majority is an alternative strategy. A lack of considerable external and cultural differences between representatives of the ethnic minority and majority promotes the selection of this strategy. Using ethnicity for getting preferences becomes possible when a differentiated approach to different ethnic groups is institutionalized and the emergence of a situation under which some groups occupy privileged positions while other groups are in the position of outsiders.

Key words: ethnicity, ethnic minorities, discourses, social inequality, social capital

References

- Arutyunov S.A. (1989) *Narody i kultury: razvitie i vzaimodejstvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction], Moscow: Nauka.
- Brednikova O.E., Pachekov O.V. (2002) Etnichnost' «ehtnicheskoj ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the “Ethnic Economics” and Social Networks of Migrants]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 2, pp. 74–81.
- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 3, pp. 60–74.
- Deklaratsiya Organizatsii ob'edinennykh natsij o pravakh korennykh narodov (2007) [The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. *United Nations*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights, accessed 31 October 2016.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: Predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality], Moscow: Academia.
- Efimova A. (2012) Adygov-shapsugov priznayut korennyim narodom Kubani [The Adyghe-Shapsugs Will Be Recognized as the Indigenous People of the Caucasus]. *Kubantv.ru*. Available at: <http://kubantv.ru/kuban/adygov-shapsugov-priznajut-korennyim-narodom-kubani/>, accessed 31 October 2016.
- Federalnyj zakon ot 30 aprelya 1999 g. N 82-FZ «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoj Federatsii» (1999) [Federal Law No 82-FZ “On the Guarantees of Rights of Indigenous Small Peoples in the Russian Federation”, April 30, 1999]. *Sajt Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>, accessed 31 October 2016.
- Foucault M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge], Kiev: Nika-Tsentr.
- Glazer N., Moynihan D.P. (1975) Introduction. *Ethnicity. Theory and Experience* (eds. Glazer N., Moynihan D.P.), Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–26.

- Kuznetsov I.M., Mukomel V.I. (2007) Formirovaniye etnicheskikh nish v rossijskoj ekonomike: istoriya voprosa [The Formation of Ethnic Niches in the Russian Economy: the History of the Question]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 1, pp. 175–184.
- Nezakonnaya familiya (2002) [The Illegal Surname]. *Novaya gazeta*. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/society/16250.html>, accessed 31 October 2016.
- Parkin F. (1979) *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*, London: Tavistock Publications.
- Radaev V.V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoj opyt i Rossiya [Ethnic Entrepreneurship: International Experience and Russia]. *Polis*, no 5, pp. 79–87.
- Rech' gubernatora Kubani o kazach'ej politsii, migrantakh i sud'bakh Rodiny [Speech of the Governor of Kuban Region on Cossac Police, Migrants and the Destiny of the Motherland]. *YUGA*. Available at: <http://www.yuga.ru/articles/society/6390.html>, accessed 31 October 2016.
- Ryazantsev S.V. (2000) Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [Ethnic Entrepreneurship as a Form of Adaptation of Migrants]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 73–86.
- Savva M.V. (1997) *Etnicheskij status (konfliktologicheskij analiz sotsial'nogo fenomena)* [Ethnic Status (Conflict Analysis of Social Phenomenon)], Krasnodar: Izdatel'stvo KubGU.
- Ustav Krasnodarskogo kraja [The Statute of Krasnodar Region]. *Sajt Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: http://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod/, accessed 31 October 2016.
- Van Deyk T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power], Moscow: LIBROKOM.